

**ОБРАЗ КРЕСТЬЯНИНА
В ТРУДАХ ИМПЕРАТОРСКОГО
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА XVIII ВЕКА**

*Image of the Peasant in the Russian
Free Economic Society in the
Eighteenth Century*

Автор:
Татьяна
Кочнева

Author:
Tatiana
Kochneva

Ключевые
слова:
крестьянский
вопрос,
Императорское
ВЭО, XVIII век.

Key words:
peasant question,
Russian Free
Economic Society,
eighteenth
century.

Аннотация

Статья посвящена исследованию образа крестьян в Трудах Императорского Вольного экономического общества. В материалах Трудов эксплицируется отношение к крестьянам, распространенное в России XVIII века. Автор приходит к выводу, что отношение к крестьянам со стороны крупных землевладельцев и интеллигенции было продиктовано экономической политикой государства, а также тесно связано с риторикой «исправления нравов»: прежде чем давать крестьянину право распоряжаться собственностью и самим собой, необходимо должным образом воспитать его.

Abstract

The article examines the image of peasants in the Proceedings of the Imperial Free Economic Society (Trudy VEO). In the materials published there, one can see the attitude towards peasants, common for eighteenth-century Russia. The author concludes that in general this attitude of large landowners and academic scholars was dictated by the economic policy of the state and was closely tied with the rhetoric of “correction of morals”: before a peasant was given the right to dispose of his property and himself, he had to be properly educated and brought up.

Человек ушедшей эпохи остается для нас загадкой — даже если мы имеем в распоряжении не только хронику его жизни, но и письменные источники от первого лица, бывает довольно трудно проследить в них характер человека, его намерения, его настоящие мысли и представления. «Формульное письмо», с которым мы так часто сталкиваемся в источниках XVIII века, как будто защищает своей внешней формой («планом выражения», если пользоваться терминологией Ф. де Соссюра) значение текста или, по крайней мере, прибавляет к нему какие-то смыслы, которые способны исказить наше понимание написанного. Однако и такие формулы могут послужить отправной точкой для построения нашего представления о прошлом. Другое дело, что иногда речь идет только о констатации распространенности подобных формул, как, например, практически императивная норма употребления словосочетания «от чего Боже сохрани» и его вариаций после упоминания о пожаре. Эти формулы представляют собой материал, требующий не одноступенчатой, а как минимум двухступенчатой дешифровки, и зачастую могут многое рассказать нам не столько о предмете рассказа, сколько о том, кем этот текст написан.

Именно так дело обстоит с источниками, по которым мы можем судить о быте, нравственности, образе жизни крестьян XVIII века. Среди них грамотность была распространена очень низко, что обуславливает малое количество текстов, написанных самими крестьянами. Написанные для крестьян тексты также явно или подспудно обращаются не к ним, а к их владельцам — помещикам, как, например, многочисленные варианты советов по «исправлению сельского домостроительства», печатавшиеся в Трудах Императорского Вольного экономического общества XVIII века. **По написанным о крестьянах и для крестьян текстам мы можем скорее реконструировать представление о них, распространенное в дворянской среде, чем напрямую судить об их морально-нравственном или каком-то ином облике.**

Так, в письмах А.М. Бакунина к Н.А. Львову можно найти замечание о том, что «крепостные, несмотря на видимую между ими и нами разницу, одарены всеми человеческими чувствами, что ливрея, борода и серые кафтаны не препятствуют им иметь все свойственные человеческой природе ощущения» [Бакунин 2002: 82]. Сегодня это замечание может нам показаться странным: а как же иначе? Неужели наличие бороды и серого кафтана может что-то кардинальным образом поменять в устройстве «природы» человека? Но ответ на этот вопрос не казался таким уж очевидным

современникам Бакунина, и сама его постановка была скорее ироничной по отношению к господствовавшему тогда мнению о «подлом сословии»:

«Признание сей старой истины [что “не только чувствуют растения, но и крепостные люди” — прим. Т.К.], конечно, не новое, но временем важнейшие познания столь затмеваются, что возобновление их почти изобретением называться может» [Бакунин 2002: 81].

Примером такого «фона», на котором могла проявиться новизна «изобретения» Бакунина, могли бы послужить упоминавшиеся выше Труды Императорского Вольного экономического общества, которые начали издаваться при Екатерине II в 1765 году. Сопоставление дискурса «бытового философствования», распространенного среди образованных людей XVIII века [см. Агамалян 2003], и дискурса печатного издания, находившегося под патронажем Екатерины II и отображавшего становление системы просвещенного абсолютизма, может внести свой вклад в критический анализ нашего представления о прошлом.

Эпоха Просвещения как олицетворение торжества разума над невежеством, как выражение стремления к прогрессу и устройству государства на гуманистических принципах отчасти находит свое отражение в тех задачах, которые ставило перед собой ВЭО, и той риторике, которой оно пользовалось. Общество, как указывается в его уставе, «единственным предметом себе полагает народную пользу» [Устав ВЭО. 1765. Т. 1. Ч. 1], и каждый его член должен служить достижению этой цели по мере своих возможностей, «дабы заслужить имя истинного и усердного Патриота» [Устав ВЭО. 1765. Т. 1. Ч. 1]. Обращение «ко всем патриотам» отражает эгалитарный язык эпохи Просвещения, но также выявляет и двойственность такого обращения в Трудах ВЭО: как упоминалось выше, наказания и советы, публиковавшиеся в них, адресованы не крестьянам, а их владельцам и управляющим имениями.

Общество создавалось для того, чтобы вводить новые, более прибыльные методы ведения хозяйства, отслеживать передовые технологии в разных областях экономической деятельности, быть своеобразной площадкой для обмена советами и поиска решений для актуальных общественно-экономических проблем. Патриотическая риторика Трудов ВЭО помогала обосновать программу экономического развития страны, которая включала в себя не только

рационализацию хозяйства, но и исправление нравов, что позволяет говорить о нем как о некоем агенте Просвещения.

Однако современного читателя не могут не удивлять те представления об образе жизни и нравах крепостных крестьян, которые содержатся в материалах Трудов. Их смысловая доминанта — отношение к крестьянам как к неразумным детям, которых помещики должны воспитывать, контролировать, при необходимости наказывать, но также не забывать и поощрять. Кроме того, необходимо заботиться об их быте и нравственности, что зачастую подается либо также в контексте попечения о «чадах», либо с оговорками на то, что в противном случае помещик понесет еще большие расходы.

Всплеск публикаций, касающихся напрямую вопросов быта и нравственного облика крестьян (а опосредованно: через советы по ведению подсобного хозяйства, разведению пчел, червей и т.д.) приходится на первые годы существования Общества: в 1765–1771 годы было опубликовано 10 статей в 19 выпусках. Для сравнения: в остальных 33 выпусках за XVIII век (с 1772 по 1798 годы) таких публикаций всего 9 (или 14, если принимать во внимание те материалы, которые относятся и к сельским, и к городским жителям). Здесь может играть роль не только то, что выпуски Трудов после 1775 года стали более редкими (иногда они публиковались даже не каждый год), но и то, что сам вопрос о жизни крестьян и о том, как улучшить их состояние, стал подниматься реже. Ажиотаж в первых выпусках был, по всей видимости, вызван объявлявшимися в 1766 и 1768 годах конкурсами на решение вопросов, связанных с правами крестьян на землю и управлением имениями в отсутствие помещика.

Конкурс сочинений о правах крестьян на землю и вопросах крепостного права был инициирован самой Екатериной II, и независимо от того, с какой целью это было сделано — чтобы прорекламировать себя как просвещенную императрицу, которая покровительствует дискуссиям на острые общественные проблемы, или же в рамках действительной подготовки общества к коренным реформам в области крепостного права, осуществить которые императрице помешали негативно настроенные крупные землевладельцы-представители дворянства, — он действительно подтолкнул общество к решению «крестьянского вопроса» в рационалистическом духе эпохи и способствовал переносу идеала несения государственной службы в область частной жизни в сельской местности [Leckey 2011: 5; 61–101]. Предлагая Обществу обратиться к своей аудитории с вопросом относительно «пользы» крепостного права, императрица обращала внимание

«...на самый главный, коренной вопрос нашего сельского хозяйства. Между тем как общество могло задумывать введение у нас некоторых улучшенных способов обработки земли, увлечься исключительно научною разработкою агрономии, она обращала его внимание на самое страшное препятствие для развития народного благосостояния, а, следовательно, и для усовершенствования земледельческой культуры» [Семевский 1888: 46–47].

Вопрос для конкурса сочинений был сформулирован следующим образом: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение; и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 1]. Как пишет В.И. Семевский, всего на конкурс было представлено 162 сочинения, из которых русских было всего 7, подавляющее же количество составили немецкие работы — их было 129 [Семевский 1888: 51]. Победителем был признан француз Беарде де Лабей, «доктор прав церковных и гражданских в Акене» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 2]. Вопрос о том, печатать ли его сочинение, и если печатать, то в оригинале или в переводе, решался довольно мучительно, хотя Екатерина II не возражала против того, чтобы напечатать его на русском языке [Семевский 1888: 53]. В результате долгих обсуждений оно стало единственным среди всех конкурсных работ сочинением, опубликованным в Трудах ВЭО. Сегодня сама постановка вопроса о пользе или вреде крепостного права кажется нам революционной для рассматриваемого исторического периода, и дискуссии о возможности публикации этого довольно умеренного в решении «крестьянского вопроса» сочинения отчасти подтверждают это положение.

Структура аргументации в сочинении Беарде де Лабея способна завести в тупик неискушенного читателя: в первой части работы, апеллируя к позиции «человеколюбивого христианина» и подкрепляя свои суждения описанием той несомненной пользы, которую государство получит в случае освобождения крестьян, автор как будто говорит о необходимости отмены крепостного права. «Человеколюбивый христианин не разчисляет достоинств: царя и крестьянина, господина и раба считает он равно себе братьями. Любовь к ближнему <...> не предписывает пределов благосостоянию и самого малого человека» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 2], — пишет он, и также заявляет, что богатое государство — не то, где богаты только отдельные люди, но где обеспечены все граждане и, в первую очередь, крестьяне как главные кормильцы

страны. В то же время владеть имением и при этом не быть хозяином самому себе невозможно, потому крестьян следует «освободить с землей», выражаясь более поздней терминологией, а в противном случае «богатство принадлежащее рабу, подобно побрякушкам серебряным, у собаки на ошейнике висящим» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 12].

Однако во второй части статьи гуманистические аргументы в пользу освобождения крестьян сменяются рассуждениями о том, что в настоящих условиях наделение крестьян собственностью, а тем более их освобождение, вещь невозможная и даже вредная: «Не безрассудно ли бы было, а иногда и опасно, вывести посреди сего общества дикого человека, раба не знающего ни сих законов, ни сих обрядов. Не то ли бы самое было отвязать неприрученного медведя, и пустить его между людей?» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 37]. Прежде чем сделать крестьянина членом общества, владелец должен позаботиться о его воспитании, но опять же воспитании не в том смысле, как мы могли бы посчитать сегодня (воспитание нравов, образование), а путем воздействия на его страсти и, в первую очередь, желание иметь собственность. Традиционно упоминая, что предлагаемые им советы будут только способствовать обогащению помещиков, автор предлагает владельцам крестьян действовать следующим образом:

«Они могут в то же время благодеянием своим поставить самую высокую цену, то есть, что крестьяне желаемой ими вольности иначе надеяться не должны, как за самые великие их труды. Таким образом господин мог бы сказать нескольким семьям своих рабов: в прошедшем году обработали вы только сто десятин; <...> удвойте ваши старания и труды для моей пользы, обработайте с усердием вверенную мною вам землю, и как скоро вы доведете ее до того, что доходы мои с нее умножатся еще до ста мер более хлеба, то я вам дам землю в собственное владение... <...>

Таким-то образом единое обещание вольности может уже знатно умножить доходы» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 42–43].

Следующим этапом воспитательного процесса должно быть побуждение освободившегося крестьянина стыдиться своего прежнего состояния и возбуждать ревность в своих «прежних собратях»:

«Надобно, чтоб крестьянин сделавшись владельцем, гнушался оставшимися еще в рабстве своими прежними собратьями; чтоб одежда была особливо отменным знаком, который бы всегда в глаза метался: убранство сильнее всего действует в простых душах; зависть, ревность, досада произведут чудеса» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 45–46].

Таким образом, «тяга к вольности» и умение ей распоряжаться правильно (а не впадать в праздность и лень) должна распространяться в силу действенности наглядного примера. Вспомним, что те же средства: отличать одних крестьян от других дорогой одеждой, «лакомить» их и проч. — осуждались как «дающие начала всем порокам» в анонимно опубликованной книге «Друг крестьян», автором которой позднее заявил себя Н.И. Страхов [Костин 2014: 350]. Стоит отметить, однако, что в ней и не предлагалось открывать крестьянам перспективу некоего социального лифта и готовить их к возможности самостоятельного, без патронажа помещика, существования. В то же время помещикам рекомендовалось отличать, поощрять наиболее трудолюбивых и ответственных среди крестьян [Друг крестьян. 1793: 46–47]. Неразрывное переплетение проектов экономических преобразований и способов исправления нравов, характерное для этого и других текстов Страбова [Костин 2014: 353], отличает просветительский дискурс эпохи в целом с его акцентом на переделке, воспитании, лепке человеческого материала.

Рассуждения о «природе» крестьян и об образе их жизни можно найти в статьях с самым неожиданным для такого содержания названиями. Так, например, во второй части статьи «Дружеские советы благородным сельским жителям», рекомендуемой автором как советы по земледелию и домостроительству, помимо описания видов земли и методов ее обработки, содержатся советы по организации жизни крестьян и совершенствованию методов управления ими. Помещику предлагается ввести новые должности в деревне, помимо управляющего: это должность десятского, который следил бы за тем, как крестьяне ведут свое хозяйство, управляются со скотиной, и еженедельно докладывал бы обо всех происшествиях помещику; а также должность надзирательницы, «которая бы за всех баб отвечала, и доносила бы об ленивых» [Дружеские советы... 1767. Т. 6. Ч. 6: 30–31].

В полном соответствии с моделью воспитания, репрезентируемой в «крестьянском дискурсе» Общества, собирательный образ «воспитанника» содержит в себе все подразумевающиеся у «нераз-

умного ребенка» черты. Он ленив: «когда бедные, или справедливо сказать, ленивые не заплатят государственную подать...» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 8]; он не стремится улучшить свою жизнь: «из всех почти же мест произошли жалобы о нерадении крестьянства, довольствующегося единственно тем, когда оно себе и домашним доставило скудное пропитание, и не обретает впрочем никакого увеселения кроме одной праздности и лености» [Изъяснение способа... 1770. Т. 16. Ч. 16: 239]; веселье его состоит только в одном пьянстве [О поправлении деревень. 1771. Т. 17. Ч. 17: 114]. Праздность крестьянина чаще всего упоминается среди пороков, к исправлению которого должны служить так называемые побочные работы: ими можно заниматься круглый год, в том числе и зимой, когда крестьянам «нечего делать». Среди следствий «народного бездействия» перечисляются «бедность, горестное житье, глупость, уныние, беспечность и беспристрастие к почестям» [О побочных... 1783. Т. 33. Ч. 3: 102].

С этой точки зрения мы можем увидеть некое смещение акцента с воспитания покорности в крестьянах на заботу об их эффективности для помещика и государства в целом. Материалы, варьирующие в своем названии словосочетание «к исправлению домостроительства», начинают превалировать среди опубликованных в Трудах сочинений в самом скором времени после открытия Общества. При этом они охватывают самый широкий спектр вопросов жизни крестьян, подлежащих регулированию со стороны владельца: начиная от устройства жилого помещения и порядка распределения сельскохозяйственных работ до вопросов брака, организации досуга и пользы проповедей, исходящих от лица церкви, на социально-значимые темы, например, о прививании оспы. За счет идеально прописанного, полностью регламентированного образа жизни крестьянина и устройства деревни в целом можно добиться максимальной отдачи со стороны крестьян, которые в противном случае будут только лениться и все больше разоряться.

В то же время некоторые сочинения об управлении имениями содержат обоснование того, что в некоторых вопросах крестьянам необходимо оставить свободу: например, в судопроизводстве. Граф А.Р. Воронцов, предупреждая «владельцев сел и деревень» о дурных последствиях самоуправства и насилия со стороны управляющего имением, предлагает разрешить крестьянам иметь «собственный суд, учрежденный из самих себя, смотря по числу великости села или деревни, выбирая из самых лучших людей, которые больше других к хлебопашеству и скотоводству прилежат» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 3].

Вмешательство же во внутренние дела крестьян управляющего и излишняя жестокость с его стороны становятся причиной того, что «всякий из них старается переменить свое состояние ко вреду своего господина и к убытку некоторому государственному» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 3]. Способы к исправлению сельского домостроительства, предлагаемые Воронцовым, основываются на знакомом нам принципе воспитания необходимых качеств в крестьянах: трудолюбия и ответственности за свое хозяйство. Много внимания, как и в сочинении Беарде де Лабея, уделяется силе примера, который крестьяне имеют перед собой:

«Отменного прилежания людей к землепашеству и скотоводству должно принимать и обходиться с ласкою перед прочими, и таковых крестьян, которые в оном других искуснее и трудолюбивее, ободрять публичною похвалою за скотоводство и домостроительство, и в случае рекрутских наборов, детей или братьев их отнюдь не отдавать, хотя б за их домом и очередь была» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 4].

Ленивых же Воронцов предлагает «употреблять в работу и в праздничные дни; ибо бог требует от людей добродетели, правды и трудов, а не праздности» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 8].

Однако сказанное не отменяет, как представляется, самой идеи регламентации жизни крестьян: в проекте Воронцова по-прежнему большое значение придается устройству деревни как «идеального государства» в миниатюре. Вопросы, в которых требуется установление жестких правил, простираются от проверки инвентаря перед началом сельскохозяйственных работ до вопросов брака: «Не меньше нужно смотреть, чтоб всякий земледелец был женат» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 10]. Для облегчения женитьбы Воронцов предлагает отменить плату «за вывод» невест из одного имения в другое и вести подсчеты «подушно», не обременяя крестьян лишними денежными расходами [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 10].

«Наказ для управителя или приказчика, о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина» П.И. Рычкова также содержит элементы регламентации образа жизни крестьян. Советуя обучать детей грамоте, чтобы не допустить привыкания их с малых лет к «праздности и лености», Рычков в то же время рекомендует:

«...чтоб в деревне сто душ имеющей писать умеющих крестьян более двух или трех человек не было; ибо примечается, что из таких людей научившиеся писать знание свое употребляют сочинением фальшивых паспортов и тому подобное» [Сочиненный Господином... 1770. Т. 16. Ч. 16: 16–17].

Помимо заботы о просвещении крестьян, приказчик должен также заботиться и об их духовной жизни: «побуждать подчиненных ему людей и крестьян, чтоб они в воскресные и праздничные дни, а особливо в великий пост, исполняли христианские свои должности, от которых зависит их блаженство и благоденствие» [Сочиненный Господином... 1770. Т. 16. Ч. 16: 17].

Многие сочинения в Трудах ВЭО посвящены исправлению крестьянских жилищ: построению новых деревень и благоустройству существующих, повышению производительности крестьянских хозяйств и доходности имений. Представляется, что это может быть интерпретировано не только как стремление государства к повышению экономического благосостояния, но и как желание дворян обустроить свое хозяйство наилучшим образом: после Манифеста 1762 года, освободившего их от обязательной воинской службы в мирное время, они как раз получили возможность этим заниматься. Являясь в своем имении хозяином самому себе и тем более своим крепостным крестьянам, помещик действительно воплощал «фундаментальную идею целостности “микромира усадьбы” как отражения самого мироздания» [Кулакова 2011: 99]. Вероятно поэтому дискурс наставлений для владельцев крестьян так похож на некую счастливую утопию, в которой мудрый хозяин способен построить свое собственное «государство в государстве», где он с радостью меняет роль подданного на роль самостоятельного владетеля и управляет благодетельствованными крестьянами [Гуковский 1936: 93].

В то же время «микромир усадьбы» в отношении «крестьянского вопроса», как он представлен в Трудах ВЭО, опирается скорее не на гуманистический дискурс о естественных правах человека, о пагубности крепостного права, о принципиальной допустимости или недопустимости рабства (что может быть справедливо в отношении отдельных образованных людей, как мы видели на примере М. А. Бакунина), а на вполне приземленное и утилитарное стремление рационализировать отношение помещика к крестьянину и сохранить биологическое тело подданного как государственную экономическую единицу. Эта мысль часто встречается на страницах сочинений, посвященных, например, устройству жилищ для крестьян.

Так, автор сочинения «О строении жилых покоев для простого народа» рекомендует помещикам следить за тем, чтобы крестьянские дома были пригодны для жизни: не стояли в сырой местности, могли проветриваться, имели не слишком низкие потолки и т.д. Свои рекомендации автор объясняет, прежде всего, тем, что плохие условия жизни приводят к болезням и тот,

«...кто, строя дом, делает по одной скупости низкие покои для своих людей, тот со временем от частых и иногда продолжительных болезней <...> вовсе потерпит двойной убыток против того, что он таким своим строением сберечь надеялся» [О строении... 1765. Т. 1. Ч. 1: 106–107].

После этого экономического аргумента приводится и собственно «гуманистический»:

«Поелику сверх сего почесть можно за некоторое бесчеловечие, чтоб для сбережения небольшой корысти, что единственно причиною есть такого дурного строения, причинять вред здоровью других, то от сего вредного порока должно бы было всячески остерегаться» [О строении... 1765. Т. 1. Ч. 1: 107].

Патерналистский дискурс, который в целом представлен в Трудах в двух ракурсах: как попечение о детях и как забота об экономической единице владения — может быть истолкован и с позиции представления о крестьянах как о некоем Другом, в противоположность которому выстраивается собственная идентичность. При чтении материалов, посвященных образу жизни и нравственности крестьян, невольно возникает ассоциация не только с детьми, но и с младенческими народами, которых недаром соединял вместе Ф. Шиллер, утверждая, что они «заставляют нас оглянуться на себя самих и на то, что в нас чуждо природе» [Шиллер 1957: 388]. По аналогии с тем, как, по мысли Э. Саида, «Восток помог определить Европу (или Запад) как ее контрастный образ, идею, личность, опыт» [Said 2003: 1–2], так и крестьянское сословие, возможно, служило для дворян (и вообще для образованных и свободных людей России XVIII века) тем зеркалом, смотря в которое, они выстраивали представление о самих себе — как оппозицию тому, что видели.

Вероятно, эта мысль достаточно тривиальна и уже не раз высказывалась с разной степенью радикальности. Широко известно принадле-

жащее, как предполагается, А.С. Грибоедову, красноречивое свидетельство о разобщенности русского народа:

«Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами» [Грибоедов 1988: 383].

Этим и другими отрывками из «Загородной прогулки» А. Эткинд иллюстрирует особенности «внутренней колонизации», характерной для имперской России [Эткинд 2013: 167]. Ее высшие и низшие сословия соотносятся друг с другом так же, как метрополия и колония, и представление одних о других опосредовано серьезным культурным барьером.

В Трудах Вольного экономического общества мы также встречаем следы этой «внутренней колонизации». Крестьяне в них предстают, по выражению переводчика сочинения Б. де Лабея, «самодвижущимися махинами» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 59], которые неспособны к самостоятельной жизни без помощи помещика, а потому образно сближаются с маленькими детьми и первобытными народами. Анализируя историю ВЭО и публиковавшиеся в Трудах материалы, К. Лаки приходит к выводу, что Общество в целом «имеет небольшое историческое значение, за исключением того, что служит зеркалом наиболее глубоких социально-экономических и политических недостатков, от которых страдал старый российский режим» [Leskey 2005: 258]. Возможно, это заключение звучит радикально, но в то же время оно имеет веские основания. Риторика эпохи Просвещения эксплуатировалась применительно к необходимости образования и воспитания крестьян как условия их освобождения, однако отчасти эта эксплуатация была инструментом оправдания откладывания реформ и прежде всего — отмены крепостного права.

В то же время нельзя отрицать и значения ВЭО как некоего прототипа гражданского общества, возникновение которого, как отмечает Дж. Брэдли, «знаменует собой начало взаимодействия общества в лице добровольных ассоциаций с царским самодержавием, когда ВЭО и МОСХ [Московское общество сельского хозяйства — прим. Т.К.] стали рупорами общественных дискуссий и местом распространения мнений по широкому спектру тем, касающихся на-

уки и экономики» [Брэдли 2012: 53]. Помещая историю научных сообществ в России в общеевропейский контекст развития добровольных ассоциаций, исследователь выделяет общие черты становления этих институций: образованные «под крылом» государственной власти в лице монарха, они должны были способствовать модернизации страны, но свобода их деятельности была ограничена требованием не вмешиваться в политическую сферу жизни общества. ВЭО как добровольная ассоциация и ранний пример гражданского общества «могло помочь государю эффективно управлять, а также нести прогресс и цивилизацию народу страны» [Брэдли 2012: 94]. Поднимавшиеся на страницах Трудов ВЭО вопросы действительно отражали насущные проблемы общества, а советы по их разрешению эксплицитировали доминирующий взгляд на пути решения этих проблем: разумное ведение хозяйства и забота о крестьянах как часть программы по экономическому развитию государства.

Таким образом, возвращаясь к замечанию Бакунина о том, что и крепостные крестьяне могут чувствовать, мы можем действительно заметить заключающуюся в его словах иронию по отношению к превалировавшему (во всяком случае, официально, и в том числе на страницах Трудов ВЭО) мнению о крестьянах как о «подлом сословии», которому только предстоит быть преобразенными в «человеков» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 59]. «Самодвижущиеся машины» не могут «чувствовать», но забота об их воспитании и образе жизни со временем принесет плоды и позволит «сделать их более счастливыми» (и заодно и оптимизировать их экономическую производительность) — вот рецепт, который в самом общем виде предлагала эпоха Просвещения в отношении младенческих народов. Как один из основных агентов Просвещения, Императорское Вольное экономическое общество также транслировало эту мысль.

Список источников

1. [Друг крестьян. 1793] — Друг крестьян, или Разные мнения и предложения о сельском благоустройстве; о разных полезных заведениях; о попечительности нравов; и о воспитании крестьян. М., 1793. 84 с.
2. [Дружеские советы... 1767. Т.6. Ч. 6] — Дружеские советы благородным сельским жителям, в двух отделениях состоящие: из оных первое о Добродетели и Пороках, второе о Земледелии и Домостроительстве // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Т. 6. Ч. 6. С. 1–37.
3. [Изъяснение способа... 1770. Т. 16. Ч. 16] — Изъяснение способа к поощрению земледельцев к трудолюбию // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1770. Т. 16. Ч. 16. С. 237–256.
4. [О побочных... 1783. Т. 33. Ч. 3] — О побочных крестьянских работах // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1783. Т. 33. Ч. 3. С. 100–171.
5. [О поправлении деревень. 1771. Т. 17. Ч. 17] — О поправлении деревень // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1771. Т. 17. Ч. 17. С. 112–156.
6. [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5] — О способах к исправлению сельского домостроительства // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Т. 5. Ч. 5. С. 1–12.
7. [О строении... 1765. Т. 1. Ч. 1] — О строении жилых покоев для простого народа // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1765. Т. 1. Ч. 1. С. 101–107.
8. [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8] — Перевод сочинения [Бернарде де Лабея], присланного в Вольное Экономическое Общество в ответ на заданный в 1766 вопрос // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1768. Т. 8. Ч. 8. С. 1–59.
9. [Сочиненный Господином... 1770. Т. 16. Ч. 16] — Сочиненный Господином Статским Советником Петром Ивановичем Рычковым наказ для деревенского управителя // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1770. Т. 16. Ч. 16. С. 13–68.
10. [Устав ВЭО. 1765. Т. 1. Ч. 1] — Устав Вольного экономического общества // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1765. Т. 1. Ч. 1. Без пагинации.

Список литературы

1. [Агамалян 2003] — *Агамалян Л.Г.* «Дворянское философствование» эпохи Просвещения // Философский век: альманах. Вып. 24. История философии как философия. Часть 1. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2003. С. 228–235.
2. [Бакунин 2002] — *Бакунин А.М.* Письма к Н.А. Львову. Публикация, вступительная статья и комментарии Л.Г. Агамалян // Ежегодник Рукописного Отдела ИРЛИ. СПб., 2002. С. 43–95.
3. [Брэдли 2012] — *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / пер. с англ. М.Н. Карпец. М.: Новый хронограф, 2012. 449 с.
4. [Грибоедов 1988] — *Грибоедов А.С.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. 751 с.
5. [Гуковский 1936] — *Гуковский Г.А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.: Издательство Академии наук, 1936. 247 с.
6. [Костин 2014] — *Костин А.А.* Писатель на службе. Случай Н.И. Стрехова // Russian Literature. 2014. Т. 75. №1–4. С. 333–361.
7. [Кулакова 2011] — *Кулакова И.П.* Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей Нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII–первая треть XIX вв.) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 90–119.
8. [Семевский 1888] — *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: Т. 1. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. 524 с.
9. [Шиллер 1957] — *Шиллер Ф.* Собрание сочинений в семи томах: Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 793 с.
10. [Эткинд 2013] — *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
11. [Leckey 2005] — *Leckey C.* Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–1796 // Slavic Review. 2005. Vol. 64. №2. P. 355–379.
12. [Leckey 2011] — *Leckey C.* Patrons of Enlightenment: The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia. Newark: University of Delaware Press, 2011. 224 p.
13. [Said 2003] — *Said E.* Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.

Татьяна Анатольевна Кочнева
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Департамент филологии, магистерская программа «Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах»
tany-kotschneva@mail.ru

Tatiana A. Kochneva
National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg), Department of Philology, MA programme “Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective”
tany-kotschneva@mail.ru